

— Да не импотент я! — во весь голос взревел Ян Е. Но, выкрикнув это, тут же сдулся и уныло ткнулся лбом в изгиб его шеи.

Лин Шу моментом воспользовался: ловким и точным пинком выдворил настырного гостя восвояси, отправив прямиком на узкую кушетку у противоположной стены.

— Спать! — припечатал он. — Или выкатывайся отсюда к чертям!

Хорошие дни летели незаметно. Ян Е и сам не понял, как промелькнули новогодние праздники, а за ними и начало весны. Потеплело, зазеленела трава, на ветвях проклюнулись первые робкие листья. Лин Шу взялся за дело — решил заложить новую партию вина на винокурне. Ян Е тут же вызвался в помощники и засуетился, готовый бегать у него на побегушках. Сам процесс виноделия был тонким и хлопотным; Лин Шу держал все рецепты в голове, так что Ян Е в тонкости не совался — просто руководил парой подсобников, таскал мешки да беспрекословно исполнял указания. Спина к вечеру ныла, но на душе было на редкость отрадно.

Единственное, что омрачало его счастье, — ночи. Ян Е упорно не смел даже приближаться к постели любимого, до смерти боясь услышать очередное ядовитое: «Ты же у нас немощный». Это позорное клеймо превратилось для него в сущую пытку. В конце концов терпение лопнуло. Выбрав день, когда Лин Шу был занят, Ян Е тайком пробрался к лекарю, который его выхаживал, и устроил тому знатную головомойку:

— С какого перепугу ты решил, что у меня там что-то ослабло?! У молодого господина всё в полнейшем порядке, работает как часы! Твоя брехня порочит моё доброе имя! Мне теперь что, к постели близко не подходить?!

Старик-лекарь испуганно замахал руками:

— Господин мой, но ведь тогда у вас и правда наблюдался сильнейший упадок сил! И недуг сей вовсе не обязательно проистекает из чрезмерного блуда. Неумеренность в выпивке, скверная пища — всё это бьёт по мужской силе не меньше. Я ведь тогда хозяину винокурни всё в мельчайших подробностях разъяснил. Уж не знаю, как именно он вам мои слова пересказал...

Ян Е в ярости потрянул широким рукавом.

«Опять обвёл вокруг пальца! Гляди-ка на него: ходит с лицом покойника, ни чувств, ни эмоций, а врёт без сучка и задоринки — комар носа не подточит!»

Лекарь тем временем занудливо добавил вдогонку:

— Но помните: три месяца — ни-ни! Нельзя шутить с этим, дело-то касается вашего мужского здоровья на всю оставшуюся жизнь!

— Да знаю я, знаю! — огрызнулся Ян Е и, круто развернувшись, вылетел вон.

Ему безумно хотелось немедленно вернуться и призвать Лин Шу к ответу, но, вспомнив свои столичные похождения и мутные интрижки с Се Ляньфаном, он приуныл. Сам ведь виноват, рыльце в пушку — вот Лин Шу над ним и потешается. Поразмыслив так и сяк, Ян Е сцепил зубы и подавил гнев.

Пришлось терпеть. День за днём, неделя за неделей... Пока наконец не истекли заветные три месяца.

За обедом, усевшись напротив возлюбленного, Ян Е закинул удочку:

— А ведь я здесь уже три месяца... и даже на пару дней дольше.

— М-м, — безучастно отозвался Лин Шу. — Домой потянуло? Что ж, скатертью дорога.

— Да при чём тут дом! Я не хочу уезжать. Просто... я здоровый, крепкий мужчина, и мне чертовски одиноко.

— Ну так устрой себе завтра выходной, спустись к подножию холма, развейся в трактире. Матушка Се всегда рада твоему приходу, говорит, с тобой веселее.

— Да не сдался мне этот трактир! Я хочу быть здесь, на горе. Но мне одиноко, понимаешь ты или нет?!

— В соседней комнате лежит пара развлекательных романов, почитай на досуге.

То ли Лин Шу действительно был настолько непрошибаем, то ли искусно притворялся дурачком. Пытаясь казаться ласковым и покладистым, Ян Е не смел распускать руки, а потому лишь в сердцах грохнул пиалой о деревянную столешницу.

Лин Шу медленно поднял на него глаза:

— Такая пиала стоит пять взней. Здесь тебе не княжеское поместье, чтобы швыряться драгоценным нефритом.

Аппетит у Ян Е пропал подчистую. Не желая больше злить себя этим невозмутимым видом, он выскочил на улицу. На следующий день, когда Сяо Шаньцзы приехал за свежим вином, Ян Е запрыгнул в его повозку и укатил вниз.

Вдоль дороги уже распускались горные персики; их нежные ветви источали тонкий, пьянящий

аромат весны. Разглядывая проплывающие мимо пейзажи, Ян Е разомлел на теплом ветру и лениво поинтересовался:

— Сяо Шаньцзы, скажи честно, ведь я хорош собой? Получше твоего брата Лин Шу буду, а?

Парнишка покосился на него:

— Да что толку в мужской красоте? Хотя, если приглядеться, ты и правда смазливее. Глаза у тебя побольше, да и брови погуще будут.

— Вот именно! — самодовольно закивал Ян Е. — И сложен я отменно! Но этот упрямец упорно воротит нос. Ну не слепец ли?

Ян Е сидел на краю телеги, подперев подбородок ладонью. На нем была просторная домашняя одежда Лин Шу из серой хлопковой ткани с неброским узором и темным поясом. Сяо Шаньцзы окинул его взглядом и бесхитростно признался:

— За этим балахоном ничего не видно.

— Ах, не видно? Ну так гляди! — Ян Е принялся торопливо развязывать тесемки на груди. Распахнув ворот, он с гордостью похлопал себя по крепкой груди: — Ну как, Сяо Шаньцзы? Видишь, какой я богатырь?

Мальчик так и подпрыгнул на месте от испуга:

— Да ты с ума сошел, не холодно тебе?! Запахнись скорее, не хватало еще простуду подхватить. Опять на лекаря тратиться придется!

Ян Е придвинулся ближе, лукаво прищурившись:

— А вот и не закроюсь, пока не посмотришь! Давай, зацени, тогда и оденусь. А не взглянешь — так и буду голышом сидеть!

Сяо Шаньцзы волей-неволей пришлось бросить взгляд на его торс. Увидев на груди ровные отметины от клейма, оставленные когда-то раскаленным железом в застенках Верховного суда, он с любопытством ткнул в них пальцем:

— Ого, а это откуда? Такие ровные... Прямо узор какой-то!

— Хех, проделки твоего ненаглядного брата Лин Шу! — фыркнул Ян Е. — Лично меня каленым железом пытал, а как наигрался — решил дать пинка под зад! Ну уж нет, нашел дурака. Я с

него каждый должок стребую, до последнего гроша! А не справлюсь — отрекусь от отцовской фамилии и возьму его!

Сяо Шаньцзы сочувственно покивал, всматриваясь в старые шрамы, но затем возразил:

— Да ладно тебе наговаривать. По-моему, брат Лин к тебе очень даже добр. Он ведь мясо почти не ел раньше, а как ты появился — так каждый день велит матушке пожирнее кусок тушить да куриный бульон варить. Наверняка всё это в твоё брюхо уходит. Погляди на себя: отъелся, заматерел, не то что раньше. Слушай, брат Ян, вы там в столице совсем голодали, что ли? Матушка моя, когда тебя впервые увидела, так и ахнула: мол, бедняга вечно недоедал, тощий как волк зимой, выхаживать парня надо. Поначалу, когда ты только на ноги встал, брат Лин ворчал, что ты за троих уплетать горазд, а сейчас ничего, молчит.

Ян Е опешил:

— Чего?! Это он ещё смел жаловаться, что я много ем? Ну погоди, я до его винных запасов ещё не добрался! То ли ещё будет!

Весь день Ян Е проболтался в трактире у подножия холма, успев мимоходом заглянуть и в самый посёлок Муюй. Там он умудрился в мгновение ока сойтись с местным сбродом — шайкой праздных бездельников и вышибал. Недолго думая, он притащил новоиспечённых приятелей в «Таверну Провожающей Весны», где они принялись шумно кутить, орать песни и резаться в кости. Эти оборванцы ещё на открытии заведения пытались качать права, но тогда Лин Шу быстро им хребты пообломал и охоту соваться отбил. Зато теперь, встретив такого щедрого и простодушного барина, как Ян Е, они так и расплылись в заискивающих улыбках, наперебой ублажая его слух лестью.

За три-четыре дня такого разгула Ян Е со своей камарильей умудрился перевести добрых три десятка кувшинов лучшего вина, приговорив гору копченого окорока и жареной птицы. У матушки Се при виде этого разорения сердце кровью обливалось. Наконец терпение её лопнуло, и она отправила сына на гору с жалобой:

— Брат Лин, этот твой приятель совсем берега попутал! Собрал со всего посёлка шваль подзаборную, орут, жрут на халяву, всех приличных гостей распугали! Матушка велела передать: заberi ты его от греха подальше, пока он нас по миру не пустил!

Лицо Лин Шу мгновенно потемнело. Молча поднявшись, он запрыгнул в телегу Сяо Шаньцзы и поехал вниз.

По дороге Сяо Шаньцзы во всех красках расписывал похождения столичного гостя: не забыл упомянуть ни пьяные бредни, ни то, как тот щеголял голым торсом и хвастался шрамами от пыток. С каждым словом Лин Шу мрачнел всё сильнее.

Переступив порог «Таверны Провожающей Весны», он застал картину в самом разгаре. Ян Е

сидел во главе стола, во всю глотку распевая застольные песни в окружении местных заправил. Но ладно отребье — к ним, раскрасневшись от вина, примкнул и дядюшка Се! От былой степенности старика не осталось и следа: он лихо стучал кубком по столу и подпевал пьяным голосом. Матушка Се тем временем сидела за конторкой, метая в пирующих громы и молнии.

Завидев вошедших, хозяйка трактира тут же подбежала к ним и увлекла Лин Шу за прилавок:

— Ох, Лин Шу, погляди на это непотребство! Четвертый день пьют-едят за наш счет, убытков — прорва! Это же чистое разорение! Уйми ты его, Христа ради! Да ладно этот, так ведь и мой старый дурак туда же, с катушек съехал, срам-то какой на старости лет! Нет на них никакого сладу, одна надежда на тебя!

Лин Шу смерил Ян Е ледяным взглядом.

«Ну и шельма. Мало того что сам куролесит, так еще и старика умудрился подбить на пьянку».

Повернувшись к трактирщице, он негромко произнес:

— Матушка Се, берите Сяо Шаньцзы и уводите дядюшку Се в дом. С остальным я сам разберусь.

Мать с сыном послушно бросились к столу и общими усилиями уволокли упирающегося дядюшку Се на кухню.

Лин Шу глубоко вздохнул и медленно направился к Ян Е. Тот делал вид, будто в упор не замечает вошедшего, и продолжал воодушевленно заливать собутыльникам:

—... Да у меня в столице такой веселый дом был — гектар земли, не меньше! Вот выберем время, я вас всех туда свожу. Девки, смазливые мальчики — всё к вашим услугам, и выпивка за мой счет! Для верных друзей ничего не жалко!

Над столом раздался сухой, ледящий душу смешок:

— И меня с собой прихватишь, а, благодетель?

Ян Е подавился словами. С трудом натянув на лицо заискивающую улыбку, он медленно обернулся:

— О, явился... Какими судьбами великий мастер снизошел до нашей грешной земли?

— Если бы я не спустился, ты бы тут всё разнёс, — отрезал Лин Шу. — Раз уж ты у нас столичный содержатель вертепов, что тебе делать в этой глуши? Наш скромный трактир слишком тесен для столь важной птицы. Собирай свои манатки и выметайся отсюда к чертовой матери.

Ян Е опешил. На его лице отразилась такая детская обида, что он лишь растерянно пробормотал под нос:

— Ну подумаешь, приврал немного... Какой мужик за чаркой не прихвастнет?

Лин Шу даже ухом не повел. Он лишь обвел ледяным взглядом собутыльников Ян Е. Сброд, уже имевший несчастье познакомиться с тяжелой рукой бывшего следователя Верховного суда, под этим пронзительным взглядом почувствовал, как по спинам побежали мурашки. Переглянувшись, они один за другим тихонько выскользнули за дверь.

Пока Ян Е хлопал глазами, Лин Шу железной хваткой вцепился ему в запястье:

— Домой. Живо.

Они почти всю дорогу до винокурни препирались и спотыкались. Лин Шу, не сбавляя шагу, зло выговаривал ему:

— Ты издеваешься надо мной? Назло это делаешь?! Если у тебя ко мне претензии — высказывай их в лицо! Не смей портить кровь матушке Се! Она мне жизнь спасла, и если ты еще хоть раз расстроишь её, я из тебя всю душу вытрясу! Ладно бы ты просто жрал в три горла, так ты еще перед мальчишкой раздеваться удумал! Распустился тут, красуется сидит! А если парень с пути истинного собьется из-за твоих замашек? Он у матери единственный сын, на него все надежды возложены! Случись что — я тебе башку откручу, так и знай!

Понимая, что Лин Шу действительно в ярости, Ян Е благоразумно помалкивал, безропотно спотыкаясь на крутом подъеме. Едва они ступили во двор, Лин Шу резко разжал пальцы, так что Ян Е едва на ногах удержался.

— Протрезвей сначала, — бросил он и зашагал к дому.

Дверь за ним захлопнулась с оглушительным треском.

От этого грохота Ян Е вздрогнул. Он уныло опустился прямо на землю посреди двора, чувствуя себя последней собакой. Теплый весенний ветер, пропитанный сладким ароматом цветущих персиков, лениво перебирал полы его просторной рубахи и путал растрепанные волосы. Прошел час, другой. На горы опустились сумерки, и хмель из головы постепенно выветрился.

Кувшин, который он всю дорогу прижимал к груди, валялся рядом в траве. Ян Е подобрал его,

допил оставшееся на донышке вино и, покачиваясь, поднялся на ноги. Он подошел к двери и нерешительно постучал. Изнутри — ни звука. Немного поколебавшись, Ян Е толкнул створку. К его удивлению, она поддалась.

В комнате царил крошечный мрак. Лин Шу сидел у стола, подперев голову рукой, не шевелясь и не произнося ни слова. Ян Е тихо подошел к окну, распахнул его настежь и закрепил раму.

— На дворе весна, — мягко проговорил он, пытаясь растопить лед. — Воздух такой чистый, цветами пахнет. Зачем ты взаперти сидишь?

Он повернулся к молчаливой фигуре и виновато добавил:

— Ты со мной совсем не разговариваешь. Мне тошно одному, вот и пошел в трактир, чтобы хоть как-то отвлечься. Если тебе это так претит — ладно, больше ни ногой туда.

Ответа не последовало. Ян Е пододвинулся ближе, замялся на миг, а затем осторожно коснулся его волос. Лин Шу попытался уклониться, но Ян Е крепко перехватил его ладонь, не позволяя отстраниться.

— Ну не злись, Лин Шу. Да, я вел себя паршиво, признаю. Но ведь эти три месяца я вел себя тише воды, ниже травы! Ты хоть на минуту поставь себя на мое место. Я ведь ради тебя со старшим братом в пух и прах разругался, он мне такую затрещину отвесил, что искры из глаз посыпались. Я бросил всё: титул, богатство, имя — и притащился в эту глушь. А здесь только и делаю, что ловлю твои недовольные взгляды. Днем гну спину на тяжелой работе, которую отродясь не делал, а по ночам маюсь на этой скрипучей кушетке, боясь лишний шаг в твою сторону сделать. Думаешь, мне легко?!

Голос его дрогнул, а в уголках глаз блеснули слезы. Лин Шу покосился на него. В темноте трудно было разобрать выражение лица Ян Е, но этот влажный блеск он уловил отчетливо. Бывший князь Хуай, конечно, был непревзойденным лицедеем, но чтобы дойти до слез... Похоже, на этот раз его действительно прорвало.

В груди у Лин Шу что-то дрогнуло, но он сдержал порыв и проговорил всё так же холодно:

— Ты уверен, что император отступился от тебя? А если за тобой пришлют погоню? Я больше не побегу. Но главное — я не позволю подвергнуть опасности семью Сяо Шаньцзы. Когда я служил в Верховном суде, чужая жизнь для меня ничего не стоила. Но теперь, пройдя этот путь... Эти люди спасли меня, обогрели и ничего не потребовали взамен. Если из-за меня с ними что-то случится, я себе этого никогда не прощу.

— За это не переживай, — поспешно заверил Ян Е. — Брат прилюдно объявил, что знать меня больше не желает. Зачем ему меня искать? Я теперь круглый сирота, никому не нужный. Если и ты меня прогонишь — пойду бродяжничать.

— Что значит «прогонишь»? — фыркнул Лин Шу. — Ты живешь под моей крышей, ешь от пуза — причем всегда за троих уплетать ухитряешься. Кто тебя голодом морит?

— Мало мне этого! Не так я жить хочу!

— И чего же тебе надобно?

— Не хочу больше спать на кушетке.

— Можешь лечь на мою кровать, а я переберусь туда.

Терпение Ян Е лопнуло окончательно. Он не выдержал и рявкнул в полный голос:

— Да не хочу я меняться! Я хочу спать с тобой в одной постели! Хватит уже дурака валять!

В комнате снова воцарилась тишина. Лишь спустя долгие минуты молчания Лин Шу негромко, с едва уловимой усмешкой произнес:

— А разве я тебе запрещал? Сам ведь не шел. Всё боялся... что силёнок мужских не хватит.

<http://bllate.org/book/19546/1998873>